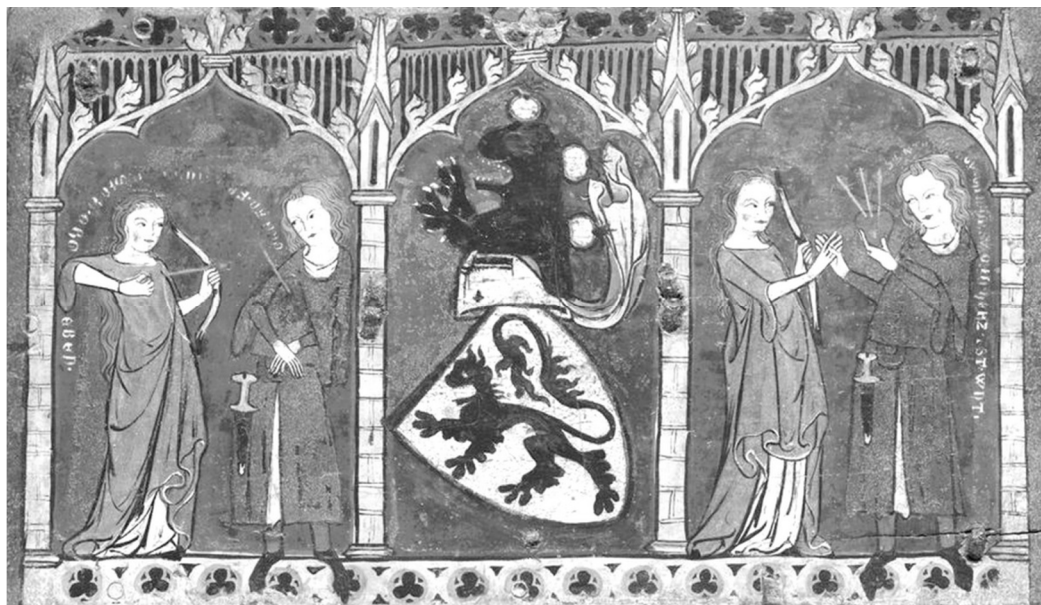

Фрау Минне, персонификация куртуазной любви в средневерхненемецкой литературе. Миниатюра с крышки ларца. Верхний Рейн, Германия. Ок. 1325–1350

УДК (821.1:821.411.21)(4-15+61+5-15+56+53)

DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11031

Рудакова М.В.

Куртуазная любовь в европейской и арабо-мусульманской традиции

Рудакова Мария Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела литератур Азии Института Востоковедения РАН, Москва

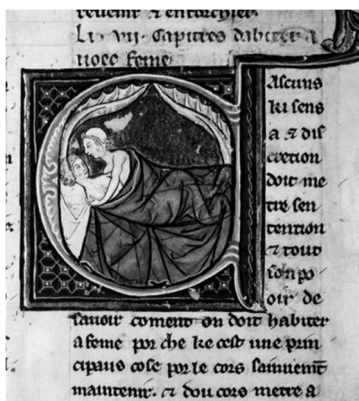
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6190-7285>

E-mail: maria-v-rudakova@j-spacetime.com; mare.r@mail.ru

В работе рассматриваются любовные взаимоотношения мужчины и женщины в рамках выработанных правил этикета. Рассмотрена трагическая запретная страсть вассала к жене сюзерена в средневековых рыцарских романах. Показано, что в рамках арабо-мусульманской культуры акцент поставлен на преобразование страсти в бескорыстную любовь (махабба), что приводит влюбленных к экстазу растворения друг в друге (фана).

Ключевые слова: кодекс возвышенной любви (*fīn amor*); запретная страсть; доисламская кашада; бескорыстная любовь (махабба); растворение в истине (фана).

Куртуазная любовь (от франц. слова «court», двор») стала синонимом любви рыцарской, которая расцвела при дворах королей Франции и Аквитании в XI–XII вв. Ее зарождение связано с деятельностью странствующих трубадуров, труверов и миннезингеров, воспевавших красоту и совершенство женщины, преподносивших в своих стихах кодекс возвышенной любви (*fīn amor*). В этот кодекс входили такие качества мужчины-воина, как храбрость и верность, но также жертвенность и мягкость, умение терпеть капризы возлюбленной. Как возник этот своеобразный кодекс и почему он получил столь широкое распространение в феодальном обществе, прежде всего, юга Европы? Французский

Любовная пара. Инициал из трактата Альдобрандино из Сиены «Режим тела» (ок. 1285)

Дама Тибо и Сладостный Взгляд. Инициал из «Романа о груше». Париж, XIII в.

Миниатюра из «Послания Офеи Гектору» Кристины Пизанской. Ок. 1460

исследователь Ж. Дюби подробно ответил на эти вопросы. По сути, он показал психологическую и историческую необходимость принятия кодекса куртуазной любви в Европе феодального периода (так что менестрели нашлись как нельзя кстати)¹.

Ж. Дюби отмечал условия воспитания мальчиков благородного происхождения при дворе сюзерена и его жены, что порождало, с одной стороны, страх и трепет перед госпожой, но и возбуждало страсть к женщине знающей, прекрасной и притом запретной. Наследование по майорату также способствовало росту числа молодых неприкаянных «странствующих рыцарей», которых нужно было как-то отвлечь от их чрезмерных юношеских желаний, введя в цивилизованное русло придворной игры. Так, сексуальные похождения высокопоставленных рыцарей вписались в феодальную игру в «верность и служение сюзерену и его жене», что, конечно, выливалось в конечном итоге в любовную связь запретного характера. В общем, сексуальные похождения, приправленные хорошими манерами, целью которых было облагородить само вожеление и процесс завоевания запретной женщины, стали излюбленной темой, занимавшей умы европейской аристократии. Немаловажным моментом, щекотавшим нервы участникам и зрителям этой игры, был ее трагический финал: рыцарь предавал дружбу и верность сюзерену и погибал, не в силах служить «двум господам одновременно». Все это тоже прекрасно вписывалось в этику вассалитета.

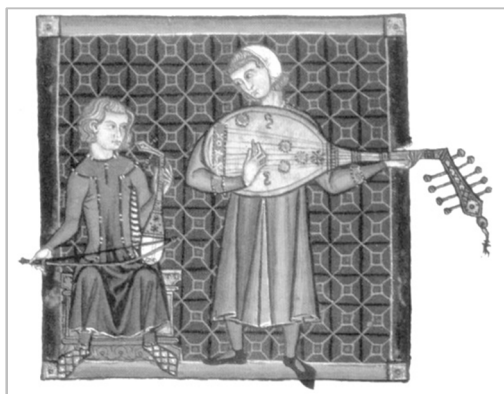
Ж. Дюби писал, что влюбленный рыцарь (и зачастую поэт) именует возлюбленную «мой господин», подчеркивая ее превосходство и власть над ним. И ведь действительно, влюбленные искали себе возлюбленную высокого социального ранга, как правило, замужнюю женщину, и часто – саму жену сюзерена. Так было в наиболее известных кельтских циклах о Короле Артуре (рыцари Круглого стола) и Короле Марке (Тристан и Изольда). В обоих случаях их жены были предметом страсти их первых вассалов, Ланселота и Тристана. Как же примирить идею служения сюзерену и его обман? В рамках постулата о том, что любовь – это ниспосланная свыше божественная страсть, с которой рыцарь, даже самый верный и стойкий, не может совладать. В «Тристане и Изольде» даже упоминается некий «любовный напиток», который навеки связал влюбленных узами страсти. Они обречены любить друг друга, несмотря на запреты, которые только усиливают их страсть.

Куртуазная литература наполнена сюжетами о подвигах бесстрашного рыцаря на полях сражения, а также о подвигах на поле «нежной страсти». В отличие от мужского мира с его жестокостью и непреклонностью, мир женщин, напротив, ценит мягкость и нежность, глубину чувств. И нельзя не отметить, что победа над врагом была столь же необходима рыцарю, как и победа над женщиной. Он, безусловно, рассчитывал на взаимность, уверенный в том, что своей верностью, страстью, а также нежностью и покорностью он как бы «покупал себе» билет в ее покои. Итак, изысканная страсть,

Тристан и Изольда играют в шахматы и пьют любовный напиток. Книжная миниатюра. 1470

¹ Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 92.

Трубадуры. Миниатюра из «Кантиг Святой Марии» («Cantigas de Santa Maria»). Португалия, ок. 1280

Арабские музыканты. Фрагмент фрески из замка Каср аль-Хейр аль-Гарби. Сирия. VII в.

Шесть прославленных тосканских поэтов. Художник Дж. Вазари. 1544. На переднем плане слева – Франческо Петрарка, справа – Данте Алигьери. На заднем плане первый справа – Гвидо Кавальканти (Guido Cavalcanti, 1255–1300). Между Петраркой и Данте – Джованни Боккаччо

ухаживания и обман покровителя – все это ради минуты вожделенного обладания возлюбленной, которая не могла отвергнуть «идеальную любовь». Собственно говоря, на этом сюжет романа был исчерпан. Отдалить момент обладания, насладиться самим путем к нему, утончить свою натуру, закалить волю, приобрести навыки идеального кавалера, которому покоряются мужчины благодаря его смелости, а женщины – благодаря мягкости – таково благородное предназначение рыцарских романов.

И надо признать, что европейская культура оказалась основательно пропитанной духом куртуазии, духом игры-охоты на объект желания. А есть ли в ней место для любви бескорыстной, не рассчитывающей на взаимность, по сути, платонической, той самой «любви-дружбы», о которой говорил Ж. Дюби? Этот вопрос заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов.

Наряду с «рыцарскими романами» в Европе бытовало и другое течение, воспринятое от андалусских трубадуров (имеется версия арабского происхождения термина – от глагола «тарбада» – играть на музыкальных инструментах). В литературном направлении «нового сладостного стиля» (*dolce stil nuovo*), которое развивали такие поэты XIII в., как Гвидо Кавальканти и знаменитый Данте Алигьери, звучит тема любви, не ищущей взаимности, где образ женщины сливается с образом Бога в своей самодостаточности и совершенстве. Влюбленный радуется особым ощущениям страсти, бескорыстной по сути, отдавая момент свидания, хранит верность Даме, не помышляя нарушить святость любви прикосновениями. Нельзя не отметить, что темы и образы данного направления близки по духу арабской любовной лирике. Сам Гвидо Кавальканти указывал на это в знаменитом сонете:

Ты не видала, госпожа моя,
Того, кто сердце мне сжимал рукой,
Когда, боясь, что мук своих не скрою,
Тебе отвечивал чуть слышно я.
То бог любви, далекие края
покинувши, встал грозно предо мною,
сирийским лучником, готовым к бою,
в колчане стрелы острые тая¹.

Сама форма сонета имела много общего с андалусскими *мувашиахами* (ар. «опоясывавший») – куплетными стихами с рефреном. Эти стихи любовного содержания, распространенные как в аристократической, так и простонародной среде Андалусии IX–XII вв., явились синтезом куртуазной традиции Европы и арабского Востока.

К сожалению, вопросу о возникновении этой стихотворной формы посвящено очень мало исследований. Среди них – знаменитая книга У.М. Уотта «Влияние ислама на Средневековую Европу»². Из отечественных исследований можно упомянуть статью А.Б. Куделина «Арабо-испанская строфика как смешанная поэтическая система»³. Проблема малочисленности подобных исследований связана с тем, что анализ лирики Андалусии требует знания огромного лингвистического пласта литературы. Достаточно сказать, что последняя строчка *мувашиаха* – *харджа* (выход), которая являлась его «солью и

¹ Западноевропейский сонет (XIII–XVII): Поэтич. антология. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. С. 33.

² Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука, 1976.

³ Куделин А.Б. Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система» (гипотеза Х. Риберы в свете последних открытий) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 282–305.

Миниатюры из Манесского кодекса. 1305–1340
На миниатюре справа на щите надпись “Amor” (любовь, лат.)

Любовные пары на миниатюрах манускриптов: слева – из монастыря Мильштатт (Мильштатт-ам-Зее, Австрия), начало XIII в.; в центре – «Романа о Розе» (Французская Национальная библиотека), XIV в.; справа – трудов Кристины Пизанской («Герцог и дамы в саду»), начало XV в.

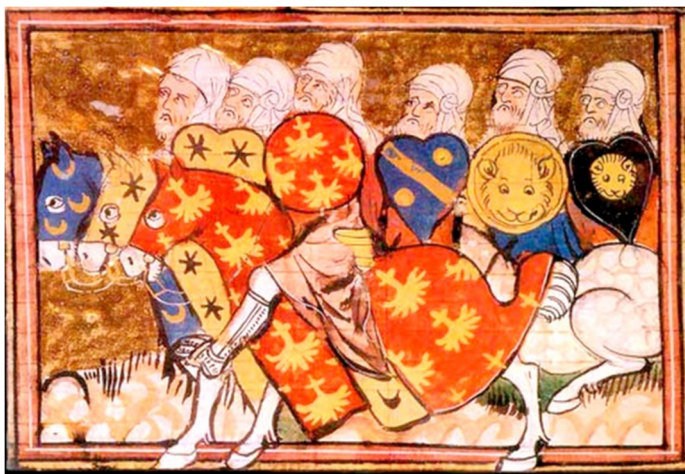
Куртуазные пары на оправе зеркала.
Резьба по слоновой кости. Последняя треть XIV в.

Куртуазная пара. Миниатюра из часослова XV в.
из Женевской библиотеки

Иллюстрации к «Хадису Баяид ва Рия» (Ḥadīth Bayūf wa Riyā, «Рассказ о Баяде и Рияд»), арабскому любовному роману XIII в.: слева – Баяд играет перед дамой (фрагмент); справа – Баяид получает записку от Рияд. Арабская миниатюра из андалузского иллюминированного манускрипта конца XIII в.

Образцы рыцарства арабского мира: слева – 'Антара ибн Шаддад (525–615), арабский поэт доисламской эпохи, рисунок на стекле, Дамаск, ок. VII в.; справа – воины Саладина, иллюстрация из иллюминированного манускрипта «Истории деяний в заморских землях» («Histoire d'Outremer») Гийома (Вильгельма) Тирского, 1337

Мозаика арабских мастеров в Палатинской капелле (Cappella Palatina) в Палермо (Сицилия): слева – поэт, справа – музыканты. XII в.

Иллюстрация к «Китаб аль-Агани» («Книге песен») Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани. Арабская миниатюра. 1216–1220

мускусом», писалась на романсе – разговорном диалекте латинского. Она являла собой истинную суть стиха, с которой замысел поэта начинался, а весь предшествующий стих как бы подводил к нему¹.

Интересно отметить, что такой же особенностью – написание с конца – отличалась доисламская *касыда* (поэма). Об этом свидетельствует вся логика текста *касыды* – течение мысли в прошлое, в глубины души с ее мечтаниями и стремлениями, разочарованиями и победами. По глубокому убеждению арабов, внутренний мир мыслей и чувств (*батин*) формирует мир видимых явлений (*захир*)². Именно поэтому мотивы *касыды* (любовный зачин, плач над следами покинутой стоянки, путешествие, война, отдых) всегда имеют психологический контекст и подтекст – анализ внутренних переживаний автора в связи с той или иной ситуацией. Завершение *касыды* – *хикма* (мудрость) – в афористичной форме отражает итог жизненного опыта автора на данный момент времени. Однако на испанской (европейской) почве *касыда* видоизменилась: европейцы восприняли у арабов не внутренние диалоги души с их последующим обобщением, но увлекательные сюжеты о любви и расставании, непреодолимых препятствиях и ударах судьбы.

Чтобы подчеркнуть саму идею безнадежной страсти, европейцы акцентировали роль преград, разделяющих влюбленных. А самой большой преградой, конечно, является смерть. Не случайно у Петрарки и у Данте стихи посвящены возлюбленным, умершим в цвете лет (Лауре и Беатриче). Таким образом, европейцы, верные духу героики и трагизма, возвели в культ непреодолимые препятствия, которые и формируют основу возвышенной любви. Так некогда в рыцарских романах запретная страсть вассала к госпоже и следующая за ней измена сюзерену объяснялась воздействием могучей природы страсти, которую человек не в силах преодолеть. «Фаустовский дух» европейцев буквально упивается трагическими противоречиями бытия, не пытаясь найти «золотую середину».

Именно поэтому школа куртуазной любви в Европе может быть чувственной либо отстраненной, но она всегда трагична, ибо доходит до своего логического конца (хотя, возможно, неосознанно!) – пресыщением чрезмерными чувствами, неспособностью пребывать в экстатическом состоянии сколь угодно долго. Именно поэтому Шекспир убивает Ромео и Джульетту, а другие поэты посвящают стихи уже умершим возлюбленным. «За удовольствия приходится платить», «ничто не вечно под луной», «любовь непостоянна, а страсть неуправляема и неодолима» – таков общий культурно-психологический фон европейской куртуазной литературы. Страсть к женщине как запретный, хотя и желанный плод, вполне вписывалась в контекст христианства с его ригоризмом, пуританством и неким ханжеством (вследствие отвержения чувственной природы человека). Идея недостижимости счастья на земле буквально витала над Европой, подпитывая ее «фаустовскую» сущность, делая трагический финал любви столь желанным. Именно поэтому, на наш взгляд, в контексте европейской культуры стоит говорить о «нежной страсти», а не о «тонкой любви». Ведь страсть несет несвободу и страдания, а любовь, являясь неотъемлемым качеством самодостаточного человека, всюду воцаряет гармонию.

Восток, в отличие от Запада, превыше всего ценит душевное спокойствие, баланс между микро- и макрокосмом. Его стихия – то, что принято теперь считать психотехниками счастья. Если в Европе культурный идеал – это борец и герой, то на Востоке – мудрец, способный взять из ситуации лучшее³. В любимой европейцами Древней Греции такой культурный идеал – самодостаточная личность и состояние счастья – эвдемония (εὐδαιμονία, процветание, блаженство) – естественная цель человека, к достижению которой должно стремиться. Достижение этой полноты бытия античные философы и поэты связывали с формированием самодостаточной гармоничной личности. Вспомним «четыре эллинских добродетели» (храбрость, справедливость, умеренность и мудрость), а также легенду об Андрогине, – символ стремления человечества вернуться в состояние утраченной полноты.

Арабы-бедуины по своему мироощущению (стремлению к личной свободе и эвдемонизму) были близки к грекам. Бедуины принадлежали к особой «культуре оазиса»: они жили в окружении сильных

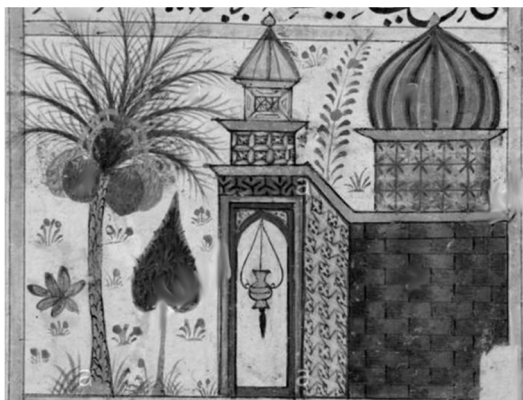
Царь Аль-Харис ибн Джабала в своем шатре беседует с шейхом Абу-Зейдом ас-Серуджи. Арабская миниатюра, XIII в.

¹ Ибн Сана аль-Мульк, цит. по: Куделин А.Б. Указ. соч. С. 282.

² В арабо-мусульманской философии оппозиция «*батин*» (непроявленного, скрытого смысла) и «*захир*» (явного) весьма существенна.

³ В даосизме свойство мудреца – способность избегать крайностей, идти нестандартным «срединным путем», в суфизме – быть «мастером момента», делать «спонтанный правильный выбор».

Дом и сад в оазисе. Миниатюра из арабского манускрипта по астрономии, астрологии и геомантии «Китаб аль-Булхан» («Книга Чудес»). Конец XIV в.

Охотник. Фрагмент фрески из замка Каср аль-Хейр аль-Гарби. Сирия. VII в.

Всадники. Арабская миниатюра, XIII в.

лей традиций доисламской поэзии, сделался «совершенный человек» (*аль-инсан аль-камил*), в чистой душе которого отражается истина.

Касыда раскрывает кухню становления рыцаря пустыни в рамках кодекса *муруввы* (мужественности). Он должен достойно пройти основные жизненные испытания, запечатленные в мотивах касыды (война, путешествие через пустыню, разлука с возлюбленной и т.д.), овладеть искусством управления страстями, преодолевая негативные мысли и чувства и перенаправляя их на приятные переживания в прошлом, видя пользу каждого жизненного момента. А это возможно лишь в состоянии легкой отрешенности, наблюдения за потоком чувств (*муракаба*).

Так, в открывающем касыду мотиве «плача над следами покинутой стоянки» поэт горюет об ушедшей возлюбленной и оплакивает брошенное жилище, но вскоре переносится мыслями в воспоминания о

централизованных государств (Египет, Йемен, Междуречье), но сами не зависели от центральной власти, не имевшей смысла в пустыне, посвящая свое время и внимание торговле и поэзии, магии и астрономии. Идея рая-оазиса формировала изысканное мировоззрение бедуина: настраивала его на предвкушение счастья, учила в деталях представлять себе будущую цель, подготавливала к тягостям перехода, которые становились для «рыцаря пустыни» неотъемлемой частью обретения нового оазиса – «места мечты». Так формировалась арабская диалектика бытия – через пустыню к оазису, от необходимости к мечте.

Условия жизни бедуинов способствовали пониманию того, что достижение цели требует овладения искусством «психологической настройки»: искусством отбрасывать мысли о неудаче, ощущать свое пребывание в искомом месте уже в начале пути к нему. Эзотерические практики как Запада, так и арабского Востока исходили из постулата «подобное стремится к подобному» – и обратный результат страстного желания чего-либо связывался с тем, что в основе его лежит страдание (вожделение, страх утраты желаемого). Поэтому столь важным представлялось обретение умения изживать пагубные страсти, привлекающие в жизнь хаос и уводящие от истинного пути, заменять их чувствами приятия и любви. Сохранение внутренней гармонии расценивалось как важнейшее условие, позволяющее человеку существовать в экстремальных условиях. Недаром в центре доисламской поэзии находится понятие самодостаточного человека, не зависящего от переменчивых обстоятельств (*дахра*) и побеждающего их мудрым терпением, знанием законов жизненного ритма – *сабром*¹. Умение вовремя отбросить отжившее пространство и эмоциональный негатив, сказать решительное «нет» коварным страстям, ведущим к потере гармонии и блаженства, характеризует подвижную личность бедуина. Если подвиги рыцаря в миру описывались в мотивах касыды, то его внутренний стержень формировался умением владеть собой, видеть в каждой ситуации скрытые возможности роста.

Бедуинский кодекс чести – *мурувва* (мужественность) – был призван сформировать особенную личность, обладавшую качествами воина, поэта, мудреца и мага. Храбрость и щедрость, справедливость и стойкость, а также чувствительность, прозорливость и мудрость – таковы качества рыцаря пустыни. Показательно, что героем суфиев, исламских мистиков и одновременно продолжате-

¹ Здесь также прослеживается сходство арабов с греками, пестовавшими образ «многоопытного» Одиссея, умеющего мудростью и прозорливостью противостоять прихотям и ударам судьбы.

прекрасном прошлом. «Как много я радостных дней проводил среди вас, но День у источника чаще других вспоминаю!»¹, – говорит известный поклонник женщин Имр уль-Кайс (ум. 540). Так программируется повторения в будущем желанных моментов.

В «мотиве путешествия» отметим отказ поэта от посетившего его чувства сомнения, нежелания расстаться с привычным местом, и переход в состояние бойца, который радуется испытаниям судьбы и уверен в победе. Зухайр ибн Аби Сульма пишет:

Разве ты видишь собирающихся
к отъезду девушек?

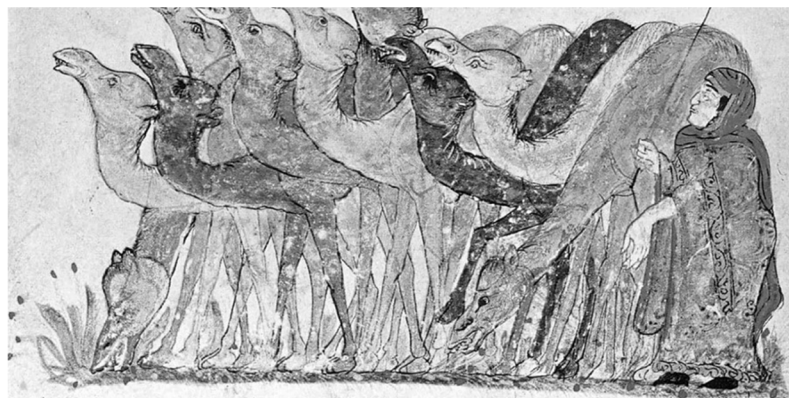
Нет, ты видишь плодородие
будущих мест².

«Легка стала моя судьба, когда я понял ее»³, – пишет известный доисламский поэт 'Антара. А для понимания судьбы нужно объединить мужской ум и женскую интуицию. Если мужской ум способен осмыслить двойственность бытия, увидев переход противоположностей друг в друга, то для женского восприятия мира характерно ощущение взаимосвязи и гармонии событий, чувство, что ничто не происходит просто так. Преодолеть двойственность ума и выйти на просторы осознания единства бытия (*вахдат аль-вуджуд*) – таков пафос арабской мысли, особенно четко прописанный в исламском суфизме, но его корни, несомненно, восходят к доисламским эзотерическим практикам.

В доисламской культуре был широко распространен культ судьбы в лице трех женских божеств (Аллат, 'Узза и Манат). Именно поэтому столь масштабные черты приобрел культ женщины у кочевников, видевших в ней самодостаточность и гармонию (*маназум*). В прихотливом женском характере бедуины-кочевники прозревали черты самой судьбы, которой им всегда хотелось управлять, что побуждало их наблюдать за всеми проявлениями женской природы – ласковостью и страстностью, холодностью и гневом – и постигать их спонтанную логику⁴.

Стоянка. Арабская миниатюра XIII в.

Слева – верблюдицы (важный персонаж арабской лирической поэзии); справа – свадьба. Арабская миниатюра, XIII в.

Скажем несколько слов о бедуинском быте, способствовавшем расцвету доисламской куртуазии. У бедуинов бытовало убеждение в том, что женщины являются собственностью племени (запретное – «*харам*», гарем). Они же составляют его честь и славу (*'ирд*). Поэтому браки были очень сложным

¹ Нусус ва-кира'ат. Кувейт: Дар ас-Сакафа, 1992. С. 5.

² Цит. по: Гиса Кадира. Ас-суна'иййа ад-дыддиййа фи-нусус аль-му'аллакат // Ад-Дирасат фи-ль-луга аль-'арабиййа ва-'адабиха 2006. № 4. С. 193.

³ Диван 'Антара, Бейрут: Дар Садир, 1992 С. 25.

⁴ Автор книги «Образ идеальной женщины и ее религиозные символы у авторов му'аллак» Йусуф Сами Йусуф настаивает на том, что культ поклонения богини плодородия Иштар, процветавший на Ближнем Востоке, с течением времени вылился в культ ее аватаров в виде различных животных (см.: Йусуф Сами Йусуф. Сура аль-мар'а аль-мисаль ва-румужа ад-диниййа 'инда шу'ара аль-му'аллакат. Набулис: Джа-ми'ат ан-наджах аль-ватаниййа, 2003). У бедуинов важным персонажем касыды становится верблюдица, верный помощник и проводник бедуина. В свою очередь и женщина для бедуина одновременно являлась недоступным божеством и верным другом.

явлением: обычным делом был брак среди кузенов. Показательно в этом смысле название арабской невесты – «дочь дяди» (*бинт 'амм*). Таким образом, замужество без ведома племени было делом непростым, а порой и весьма опасным. Весь клан и племя могли наказать чужака и непрошенного гостя. Как решался вопрос с похождениями? Не только гомосексуализмом и аскетизмом, но также и более естественными способами, например, завоеванием женщин как добычи победителя в битве с враждующим племенем. Наиболее интересным случаем можно считать историю поэта 'Антары, сына невольницы-эфиопки, который своей храбростью добился права получить благородную невесту. Бывали у арабов и чисто европейские сюжеты – когда влюбленный рыцарь и поэт соблазнял даму своей изысканной любовью и покорностью, как знаменитый основоположник арабской касыды, царь-скиталец из племени Кинд, 'Имр уль-Кайс.

Наибольшую известность среди приверженцев идеи возвышенной любви приобрели поэты племени 'узра. Их именовали «поэтами, которые умирают от любви», подобно знаменитому Кайсу ибн Мулавваху Маджнуну (Безумному), потерявшему рассудок из-за любви к Лайле. С другой стороны, существовали поэты-приверженцы идеи «открытой любви» (*сарихи*). Школа арабского гедонизма именовалась омаритской по имени ее основателя, знатного богача эпохи ранних Омейядов Омара ибн Аби Раби'а (ум. 712). Его известным продолжателем был придворный панегирист правителя Алеппо, Сайф ад-Даула, Абу Фирас аль-Хамадани (ум. 967).

Уже в начале эпохи Омейядов в халифате сформировалось целое направление куртуазной любви, известное под термином *зарф* (изящество, тонкость). Существует целый пласт литературы, посвященный известным влюбленным, начиная с самих халифов и их министров. Эти книги написаны в жанре *адаба* – пособия по хорошим манерам. В них помещались рассказы о тех, кто следовал правилам изысканных ухаживаний и кодексу влюбленного. Влюбленный заключал с возлюбленной бессрочный договор служения ('акд), гордился своей верностью и был рад совершить любые подвиги во имя бескорыстной любви. Также влюбленный был обязан соблюдать правила хорошего тона: не разглашать любовь, пренебрегать наветами клеветников, избегать соглашения.

Страницы собраний лирических стихотворений (диванов) Абу Фираса аль-Хамадани (932–968), 1628 г. (слева) и Абу-т-Тайба Аль-Мутанабби (915–965), 1639 г. (справа)

Более того, идея служения женщине переносилась на отношения вассала и сюзерена (а не наоборот, как в Европе). В частности, Абу Фирас аль-Хамадани, будучи плененным византийцами, обращается к своему покровителю Сайф ад-Даула с просьбой о помощи. Но по форме это обращение являет собой письмо к неверной возлюбленной:

Я утомлён ожиданием встречи с любимой,
но она не придет даже ко мне на могилу.
Даже если я буду умирать от жажды,
от нее не дождусь я и капли воды.
Ты потеряла наше отношение, а я сохранил.
Не обнадёживай меня впустую,
лучше совсем ничего не обещай².

В арабистике бытовали разные мнения относительно узритской и омаритской школ куртуазной поэзии. Долгое время считалось, что истинно арабские поэты противопоставили роскоши и излишествам городской жизни свою бедуинскую чистоту и героизму. В этом противопоставлении видели отголоски соперничества арабов и персов. Современные филологи, напротив, считают, что все школы куртуазии следовали в едином фарватере, ибо воспевали чистоту и добродетель женщины и подчеркивали ее облагораживающее воздействие на влюбленного рыцаря¹.

На наш взгляд, второе мнение более обосновано. Действительно, поэты-гедонисты точно так же, как 'узриты, писали о сладости любви на расстоянии, подтверждали свою верность договору с возлюбленной, несмотря на ее прихоти и даже измены.

¹ Аль-Башир аль-Мадждуб. *Аз-зарф ва-з-зурафа фи-ль-'аср аль-унави ва-ль-'аббаси*, Багдад: Дар ас-сакафа, 1992.

² Нусус ва-кира'ат 'адабийя, Кувейт: Дар ас-сакафа, 1992. С. 82.

Чтобы глубже понять явление арабо-мусульманской куртуазии необходимо воспринимать ее глубокие доисламские основы. Как мы помним, кодекс *муруввы* формирует в его последователях не только мудрость и стойкость, но чистоту и изысканность желаний. Более того, именно душевная тонкость обеспечивает арабскому рыцарю стойкость как в борьбе с невзгодами, так и в деле противостояния низменным проявлениям своей натуры. В бедуинском кодексе есть «золотая середина» между страстью платонической и вполне земной. Рыцарь не должен относиться к своему состоянию влюбленности одержимо, должен уметь считаться с пожеланиями возлюбленной, не надоедать ей просьбами. «Ну а если мой нрав не пришелся тебе по душе, что ж, не будем лукавить, оставим друг друга скорее»¹, – говорит 'Имр уль-Кайс ветреной возлюбленной.

Психотехники достижения самодостаточности и духовного совершенства доисламского рыцаря перекочевали в эзотерическое учение ислама о поиске истины путем бескорыстной любви – суфизм. Путь поиска истины у суфиев (*тарик*) всегда облечен в форму куртуазной поэзии, где возлюбленная ассоциируется с Богом, а влюбленный – со страждущим духом.

Суфийский кодекс возвышенной любви технологичен и современен. Он настаивает на том, что любовь – это не одержимость, но состояние экстаза присутствия в каждом моменте бытия. Это ощущение наполненности бытием возникает вследствие единения с совершенной душой возлюбленной, не зависимо от расстояния между влюбленными. «Было мне время подвластно и царства земли»², – писал об истинном единении египетский поэт Ибн аль-Фарид (ум. 1235).

Стремление возвыситься до уровня понимания бескорыстной любви (*махабба*) – важное условие конечной цели арабо-мусульманской куртуазии – достижения состояния душевной гармонии и исчезновения в истине (*фана*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Башир аль-Маджлуб. Аз-зарф ва-з-зурафа фи-ль-'аср аль-'умаи ва-ль-'аббаси. Багдад, 1992. 345 с.
2. Гиса Кадира. Ас-сунаиййа ад-дыддиййа фи-нусус аль-му'аллакат // Ад-Дирасат фи-ль-луга аль-'арабиййа ва-'адабиха. 2016. № 4. С. 173–193.
3. Джавад Нурбахш. Рай суфиев. М.: Прогресс, 1995. 112 с.
4. Диван 'Антара, Бейрут: Дар садир, 1992. 125 с.
5. Диван Ибн аль-Фарид, Бейрут: Дар садир, 1993. 155 с.
6. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М.? Наука, 1990. С. 90–96.
7. Йусуф Сами Йусуф. Сурат аль-мар'а аль-мисаль ва-руммузуха ад-диниййа 'инда шу'ара аль-му'аллакат. Набулис: Джами'ат ан-наджах аль-ватаниййа, 2003. 456 с.
8. Западноевропейский сонет (XIII–XVII): Поэтическая антология / Сост. А.А. Чамеев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.
9. Куделин А.Б. Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система» (гипотеза Х. Риберы в свете последних открытий) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 282–305.
10. Нусус ва-кира'ат. Кувейт, Дар ас-Сакафа, 1992. 356 с.
11. Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука, 1976. 128 с.
12. Хаким Моинуддин Чишти. Суфийское целительство. СПб.: Диля, 2002. 157 с.
13. Alharthi Z.A., Khrisat A.A. "The Impact of Muwshah and Zajal on Troubadours Poetry." *International Journal of English and Literature* 7.11 (2016): 172–178.
14. Boase R. *The Origin and Meaning of Courtly Love: A Critical Study of European Scholarship*. Manchester: Manchester University Press, 1977. 171 p.
15. Jayyusi S.K. "Andalusī Poetry: The Golden Period." *The Legacy of Muslim Spain*. Ed. S.K. Jayyusi. Leiden: Brill, 1992. 317–366.
16. Lanz E.L. *Marriage and Sexuality in Medieval and Early Modern Iberia*. New York: Routledge, 2002. 282 p.
17. Werbner P. "The Abstraction of Love: Personal Emotion and Mystical Spirituality in the Life Narrative of a Sufi Devotee." *Culture and Religion* 18.2 (2017): 165–180.
18. Zwartjes O. "The Andalusi Kharjas: A Courtly Counterpoint to Popular Tradition?." *Scripta Mediterranea* 20 (2015): 45–54.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Рудакова, М. В. Куртуазная любовь в европейской и арабо-мусульманской традиции / М.В. Рудакова // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2 (31—32). — С. 66—75. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provst_st1_2-31_32.2018.31. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11031.

¹ Там же. С. 7.

² Диван Ибн аль-Фарид, Бейрут: Дар садир, 1992. С. 83.